

Мэй Нэдер

Пока не рассыплется
фарфор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэй Нэдер

Пока не рассыплется фарфор

«Автор»

2026

Нэдер М.

Пока не рассыплется фарфор / М. Нэдер — «Автор», 2026

Он обещал убить её, если она не будет его. Он обещал спасти её, если она его не полюбит. Эйлин бежит от опасного бывшего и оказывается в особняке Дэмиена Уолша - загадочного мужчины в белой фарфоровой маске. Он предлагает ей сделку: два месяца под его защитой - и новая жизнь. Всего три правила: никаких поцелуев. никакой близости. никакой любви. Все очень просто? Или? Эйлин чувствует: он хранит страшную тайну. Она боится его. Что если под маской монстр? Не доверяет ему. Но с каждым днем предательски желает его все сильнее и сильнее. С каждым днём расстояние между ними становится невыносимее. С каждым днём желание становится сильнее страха. Она все отчаяннее хочет сорвать с него маску - даже если уничтожит все.

© Нэдер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мэй Нэдер

Пока не рассыплется фарфор

Глава 1

- Да твою ж мать... - я тихо всхлипнула и разрыдалась, измученно глядя в никуда, больно кусая дрожащие губы. Мокрые пальцы тряслись от холода, безысходности и тихой, почти угасшей ярости.

Я чувствовала под подушечками пальцев старый потрёпанный руль «Фиата», чувствовала кожей этот пронизывающий холод в салоне, предательский пар изо рта, уносящий жалкие остатки тепла из моего тела. За окном - мрак апрельского позднего вечера и такая щемящая несправедливость, что казалось: если я начну кричать, мой голос расколется небо надвое, и полившийся дождь превратится в кровь.

Я могла быть сейчас в каком-нибудь пабе недалеко от Ливерпуля, пить эль, веселиться, смеяться над тем, как Рокси старательно хохочет над пошлыми шутками Уаетта в надежде, что он, наконец, оценив её натуженные старания, переспит с ней из благодарности. Ну или хотя бы из жалости. Наблюдать, как Уаетту всё это совершенно неинтересно, потому что его единственное увлечение - выпивка и плейстейшн, купленный с рук два года назад.

Но где я сейчас?

Я сидела в заглохшем «Фиате» посреди вересковой пустоши, напоминавшей декорации к экранизации «Грозового перевала». Вокруг была непроглядная тьма, и лишь маленький пыльный фонарик, найденный в бардачке, тусклым светом едва освещал поживший салон машины.

- Это что, вообще за дыра?! Куда меня занесло? - я сама не ожидала, что истерически выпалю это вслух со срывающимся отчаянным смехом.

Я достала из кармана джинсов мокрую, помятую сигарету. Носила её уже год, привычка, с тех пор, как родителей не стало. Никогда не курила, но раз в год, когда случалась какая-то дрянь, затяжка-другая возвращала к реальности. «Отрезвляющая сигаретка на раз» - так бы я и написала в графе опросника, если бы увидела вопрос о моём отношении к курению.

- Как ты вообще докатилась до такой жизни? - затаившись, я откинулась на спинку кресла и с прищуром спросила себя в лобовое зеркало, зажав сигарету между средним и указательным пальцами.

Моё лицо в отражении покраснело от такого прямого и бесцеремонного вопроса. Серые глаза с размазанной снизу тушью, красный от слёз слегка вздёрнутый нос, распухшие губы, синяк на скуле с кровоточащей ссадиной. Я прикоснулась к ней безымянным пальцем, не разжимая сигареты, и потерла ноющее место. Лицо скривилось от боли.

- Ну как? Больно? Именно так оно и бывает, - с издёвкой ответило мне отражение.

Так всегда бывает, когда ты связываешься с уродом. С Брэдом.

Так бывает, когда пятничным вечером, после ненавистного рабочего дня в редакции местной газеты, где я писала заметки о происшествиях, мечтая о серьёзной журналистике, и очередного вывода о том, как ты ненавидишь себя и свою гребаную жизнь, ты надираешься до состояния невменяемости с друзьями во второсортной дыре, именуемой баром, на окраине города. Пока они висают то ли в сортире, то ли заказывают новую выпивку, ты знакомишься с сомнительным типом с мощной бицухой, и под градусом тебе кажется, что он вроде как и ничего, и голос приятный. Секс после тоже приемлемый, и его грязные комплименты тоже. А утром тебе даже кажется, что он нормальный обычный парень, ведь лучше тебе всё равно никогда не попадались.

Как выяснится позже, хуже не попадались тоже.

Потому что Бред оказывается полным мудаком. Он начинает контролировать твою жизнь всего через две недели знакомства: рассказывать, что тебе можно носить, с кем встречаться, с кем говорить по телефону, что можно есть, что нельзя пить. Что твой коллега Ник провожал тебя слишком долго, слишком долго смотрел в твоё слишком глубокое декольте, и не важно, что ты была в свитере с высоким воротом. А еще ты в ответ улыбалась Нику слишком непристойно и сексуально, хотя он меня бесит и вообще старше меня на двадцать пять лет. Всё это совершенно неважно. Ты будешь всё равно всякий раз права по умолчанию.

Но что ещё хуже, он начинает поднимать на тебя руку за всё вышеперечисленное, ставить условия, которые невидимым кольцом сдавят твою шею и отгородят от всего того, что было тебе так дорого. От Рокси, от работы, от мечты написать книгу.

Но хуже всего другое. После того как дешёвому психологу за восемьдесят фунтов в час, к которому ты начинаешь ходить по совету Рокс, всё же удаётся убедить тебя, что нарцисса и абьюзера надо обязательно оставить, и ты, наконец, уходишь... Этот урод начинает тебя преследовать. И преследует даже после трёх месяцев, как ты его бросила. Ведь ему всё сходит с рук. Он сын судьи. Его отец - судья, сэр Реджинальд Уилфорд, крайне влиятельная фигура, и его семья владеет половиной графства. Бреду всегда всё сходило с рук. Избил парня в клубе - дело замяли. Разбил машину пьяным - вышел сухим из воды. А я... я была ничем. Небогатая девушка без родителей, приехавшая из Дублина за мечтой о журналистике. Никто меня не защитит.

Бред. Имя звучало в голове как удар током, и я вздрогнула, хватаясь руками за руль так сильно, что костяшки побелели. Он нашёл меня в новой съемной квартире, через четыре дня после того как избил меня, потому что я ушла от него. Через шесть недель избил снова, когда я снимала комнату у миссис Пэксли в Халвуде. А в той дыре под Ливерпулем, где я ночевала в приюте, через 2 месяца. Каждый раз он говорил одно и то же: «Ты моя, Эйлин. Ты никогда не уйдёшь. Я тебя убью, прежде чем позволю кому-то другому тебя иметь».

И вот я здесь. После того как в очередной раз он подкараулил меня возле дома Нэлл - подруги по несчастью из группы поддержки по вторникам, где я пряталась от него. У меня был новый телефон. Я никому не сказала, где я. Никто из моих друзей не знал Нэлл. Но он нашёл. Он всегда находит.

Он избил меня на глазах у Нэлл, прямо на улице, возле её дома. А когда я попыталась убежать, он отшвырнул меня в витрину дорогого ювелирного магазина напротив. Стекло треснуло, я упала на осколки, а он уже стоял надо мной, поднимая кулак. Его остановила охрана ресторана, два огромных парня в чёрных жилетах, которые бросились на него и скручивали его, пока я, истекая кровью из рассечённой щеки, пыталась подняться.

Я успела убежать за угол и подбежала к своему новому старому «Фиату», который купила за наличку у какого-то алкаша. Села в машину, пока его удерживали, он не видел моей новой машины. Или мне показалось? Я ехала сама не понимая куда, в состоянии полной дезориентации, руки дрожали на руле, зрение было смазанным от слёз и крови. И тогда, в порыве шока и безумия, я выбросила телефон в окно, прямо в кусты вдоль шоссе. Потому что он снова меня найдёт. Как он изначально нашёл меня у Нэлл, несмотря на все предосторожности. Он найдёт меня снова. Он всегда находит. У него связи. У него деньги. У него бесконечная, неумная одержимость, которую он называет любовью.

Но все это абсолютно неважно... Важен вот какой вопрос: когда? Когда он найдёт меня снова? И что он тогда сделает с моей чёртовой жизнью?

Я смотрела в окно. Вокруг была пустота. Просто вересковая пустошь, каменистые холмы, и где-то внизу чёрное, как смоль, море.

Я с силой плюхнулась лбом об руль и засмеялась, переходя на рыдания и обратно в смех. Рейчел, моя третьесортная психолог, сказала бы, что нельзя поддаваться панике. Хорошо, что её тут нет, иначе я бы приложила головой об руль и эту недалёкую суку, которая разговаривает цитатами из псевдопсихологических книг в вокзальном киоске в разделе «дорожное чтение».

Я подняла голову и начала медленно складывать факты.

В машине не было еды. Бак был пуст, я видела, как лампочка загоралась красным ещё два часа назад, но мне было всё равно. Мне было всё равно, куда ехать, лишь бы прочь. И теперь я здесь. Посреди ночи. Посреди дождя. Посреди западного побережья Англии, я видела указатель на «Портпатрик» час назад, прежде чем свернула куда-то в глушь, пытаясь потеряться в этих извилистых дорогах между скалами.

Надо бежать! Я не знаю сколько пройдет времени, но он снова найдет меня. Он всегда находит. Всегда. Бежать, куда угодно, и как угодно далеко, но не оставаться тут.

Я взяла свой рюкзак с бутылкой воды, документами и какой-то одеждой, которую я предусмотрительно сложила, понимая свое положение и вероятность сиюминутного побега, и открыла дверь. Апрельский ветер налетел сразу, сорвал с меня остатки тепла, забил дождь под куртку, в волосы, в глаза. Я вышла из машины, поскользнулась на мокром асфальте, ударилась бедром о бампер, но не почувствовала боли. Тело было в том состоянии, когда боль - это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Когда выживание - единственная функция, которая осталась.

- Иди к чёрту, Брэд, - прошептала я в ветер.

Фонарик в руке три раза предупреждающе моргнул и перестал светить окончательно. Я раздраженно несколько раз ударила им по ладони, пытаясь реанимировать, но - безрезультатно. Я устало выдохнула, вышвырнув его в черноту, и осталась в непроглядной тьме.

Машина стояла на обочине узкой дороги, которая вилась между холмами, уходя в темноту в обе стороны. Слева - скалы, спускающиеся к морю. Справа - кусты и ничего. Ни огонька, ни звука двигателя, ни признаков жизни. Только дождь, ветер и рев моря, который звучал как предупреждение: «Сюда не лезь. Здесь смерть».

Я пошла, не зная куда, просто шла, потому что сидеть в мёртвой машине было хуже. Потому что если я останусь на месте, он меня найдёт. Он всегда находит. Его машина, чёрный «Рендж Ровер» быстрее моей развалюхи. Он, наверное, уже едет. Уже близко. Уже чувствует меня, как бешеная собака.

Я шла по дороге, топча лужи, чувствуя, как вода просачивается в кроссовки, старые, дырявые, единственную обувь, которая была у меня, пока я жила у Нэлл. Я шла, и зубы стучали так, что казалось, они вот-вот выскочат из челюстей. Я шла, и плакала, тихо, беззвучно, слёзы смешивались с дождём на щеках.

Как так вышло? Как я, Эйлин Бирн, двадцатипятилетняя девчонка из Дублина, которая когда-то мечтала о журналистике и о том, чтобы написать книгу, оказалась здесь? Посреди ночи, посреди дождя, бегущая от маньяка, который когда-то говорил мне, что любит меня? Как я позволила ему превратить мою жизнь в это? В бегство? В страх? В эту бесконечную, душашую панику, которая не отпускает ни на минуту?

Я не помнила, сколько шла. Время растеклось, как тот дождь под моей курткой. Может быть, час. Может быть, три. Ноги превратились в дерево, в глыбы льда, которые я тащила за собой по инерции. Я шла, пока дорога не свернула, не пошла вниз, к морю, и тогда я увидела это.

Свет.

Тусклый, жёлтый, мерцающий вдаль, сквозь дождевую завесу. Я замерла, моргнула, решила, что это галлюцинация, от холода, от голода, от шока. Но нет. Свет был реальным. Он исходил из окон огромного дома, который возвышался на холме передо мной.

Викторианский особняк. Я узнала стиль, бабушка была архитектором, она учила меня различать эпохи, пока ещё была жива, пока ещё была со мной. Четыре этажа, мансарда, крыша с многочисленными скатами, башенки по углам. Камень тёмный, почти чёрный от дождя. Окна высокие, узкие, с арочными завершениями. Дом выглядел так, словно вырос из скалы, словно был частью этого мрачного пейзажа всегда.

Два окна горели

Я пошла быстрее. Не бежала, не могла, ноги не слушались, но пошла быстрее, прицеливаясь в этот свет как тонущий прицеливается в берег. Там был телефон. Там была помощь. Там был кто-то живой, кто мог позвонить в полицию, дать мне воды, укрыть от этого проклятого дождя.

Я подошла ближе, и тогда увидела забор.

Огромный, чёрный, кованый, с острыми шпильками наверху. Он окружал особняк со всех сторон, уходя в темноту влево и вправо, теряясь в дожде. Ворота массивные, железные, запертые на огромный замок, который блестел в свете фонаря, висящего над проёмом.

Я остановилась у забора, схватившись руками за холодные прутья. Металл был ледяным, режущим ладони, но я держалась, глядя вверх, на дом.

- Эй! - крикнула я, и голос вырвался из груди сипло, хрипло, неузнаваемо. - Помогите! Пожалуйста!

Тишина. Только дождь и ветер.

- Помогите! - закричала я громче, тряся прутьями. - Мне нужна помощь! Пожалуйста!

Ничего. Окна светились, но не было видно движения за ними. Дом стоял, как крепость, как тюрьма, как гробница, неприступный, тихий, полный своих тайн.

Я опустилась на колени перед воротами, прижав лоб к холодному металлу. Силы покинули меня окончательно. Я сидела в луже, в дождь, в ночь, и впервые за все эти месяца бегства почувствовала что-то, кроме страха. Пустоту.

Он меня найдёт. Он всегда находит. И в этот раз он убьёт меня. Он обещал, и Брэд всегда держит свои обещания.

Я закрыла глаза и просто ждала.

Раздался электронный писк, тонкий, как нить паутины, натянутая между миром снов и явью. Я вздрогнула, замирая посреди тропинки, утопающей в сумерках. Звук исходил откуда-то сверху, с высокого чёрного забора, уходящего в невидимую высь, словно стена между миром людей и царством теней.

- Кто вы? И что вы хотите? - откуда-то сверху раздался голос.

Мужской. Спокойный. И почему мне показалось, что красивый? Не громкий, но отчётливый, словно он говорил прямо мне в затылок, хотя источник был где-то над головой, в непроглядной тьме сентябрьского вечера.

Я остоленела, пытаюсь найти источник голоса. Но в темноте было совсем ничего не видно. Лишь силуэты крон деревьев, вырезанные на фоне фиолетового неба, и этот монументальный барьер, разделяющий меня от... От чего? От спасения? От опасности? От безумия?

- Я... Я потерялась, - выдохнула я, мой голос был как будто чужим, хриплым, словно принадлежал не мне, а какой-то отчаявшейся девчонке, запершейся внутри моего тела. - Не знаю, где я, и... Что это за место! Я заглохла, где-то к югу отсюда! Вроде бы...

Я истошно кричала и махала руками над головой, чтоб меня было видно. Где-то наверняка есть камера? Микрофон? Чёрт возьми, в XXI веке даже в глуши не остаёшься один на один с ночью. Я вертелась вокруг своей оси, не понимая, куда мне посмотреть. Ладони были мокрыми от пота, рюкзак свинцовым грузом на плечах, ноги ватными от усталости, которую я тащила с собой последние пять часов блужданий по лесным тропам.

- Вы одна?

- Да! - крикнула я. Конечно, одна. Иначе бы я здесь не стояла, размахивая руками, как пьяная мельница.

- Зачем вы кричите? - мягко спросил голос. - Я вас прекрасно слышу. И вижу, кстати, тоже.

Пауза. Тишина, наполненная шелестом ночного ветра и стуком моего сердца.

Мне показалось, что обладатель загадочного голоса сказал это с улыбкой.

Я поняла, как у меня краснеют уши, и я начинаю закипать. Ну естественно, богатей! Наверняка у него тут целая куча камер с ночным видением, тепловизоры и прочие игрушки для взрослых мальчиков. А он сидит в своём уютном кресле, попивая что-нибудь элитное, и развлекается, как какая-то чокнутая стоит машет руками возле его забора, словно моль у фонаря.

- А вот я вас не вижу! - мой голос окончательно сорвался, и я сама не ожидала, насколько раздражённо получилось. - Мне кажется, несколько неравное положение у нас получается... Как думаете, а?

Я медленно, раздражённо выдохнула и закрыла глаза, и запрокинула голову. Небо надо мной было расшито первыми звёздами, иголками серебра на бархате апрельской ночи. Я тяжело дышала, пытаюсь успокоиться, ощущая, как воздух наполняет мои лёгкие прохладой и запахом сирени, невидимой где-то в темноте.

Потом устало опустила голову себе в ладонь, выпустила воздух, сжав пальцами переносицу. Другой рукой потирала горящие следы на плечах от лямок рюкзака, они врезались в кожу, словно красные жгуты наказания за мою глупость.

- Извините, - тихо прошептала я. - Простите меня... Я просто... Устала. Я просто хотела попросить лишь... Не могли бы вы позволить мне...

Раздался какой-то электронный звук, короткий, низкий, похожий на вздох древнего механизма, пробуждающегося ото сна. И дверь открылась, не дав договорить мне.

Ворота медленно разъезжались, абсолютно беззвучно, словно их смазывали маслом тишины каждое утро веками. За ними открылась аллея, уходящая в темноту, вымощенная брусчаткой, которая отражала остатки сумеречного света, словно роса на паутине.

- Благодарю вас, - негромко сказала я, озираясь, но ответа никакого не было.

Я шла по огромной территории, и ночь здесь была другой, густой, почти осязаемой, словно шёлковая вуаль, накинутая на мир. Дождь кончился, ветер стих. Ничего не было видно, только лишь легкие намёки и очертания, играющие в прятки с моим зрением.

Справа от меня был огромный пруд, я поняла это по запаху воды, по тишине, что стояла над ним, по отражению неба в его зеркальной поверхности. Там стояли беседки, ротонды - белые призраки среди тьмы, словно кости забытого дворца. Слева что-то типа оранжереи - стеклянный купол, мерцающий слабым зелёноватым светом, и какие-то высокие зелёные стены, похожие на живую изгородь из кипарисов или туй, уходящие ввысь и теряющиеся в ночи.

Я посмотрела вперёд.

Это был огромный особняк. Викторианский. Сложный, как шахматная задача, с башенками, эркерами и крыльцом, уходящим в темноту. Окна в пол, почти все темные, мёртвые глаза здания, смотрящие в никуда. И только два окна на втором этаже горели тёплым янтарным светом, словно два сознательных зрачка, прищуренных в мою сторону.

В одном из окон я увидела фигуру.

Совершенно не было понятно, кто это. Кто-то высокий, широкоплечий и, судя по всему, стройный силуэт, вырезанный из тьмы и света. Человек припал локтем к стеклу, наблюдая за мной. Во второй руке у него был бокал с чем-то, жидкость мерцала рубиновым отблеском, словно собранное вино из последних лучей заката.

Я пыталась рассмотреть его лицо, но не смогла. Расстояние, стекло, тьма, всё это строило между нами стену, не менее непроницаемую, чем тот забор, за которым я стояла минуту назад.

У меня немного пересохло во рту, приятно-пугающе поползли мурашки по спине, заставляя меня поёжиться. Это был не страх, или не только страх. Это было ощущение игры, в которую меня втянули без правил и объяснения, и я не знала.

Я подошла к огромному центральному входу. Он был тёмным, массивным, с колоннами, уходящими вверх, к невидимому карнизу. Казалось совершенно необитаемым, словно дверь в гробницу.

Вдруг загорелся свет. Один за другим, словно зажигаясь по команде невидимого дирижёра, вспыхнули фонари по обеим сторонам аллеи, подсвечивая мне путь к двери. Специально для меня, как я поняла. Приглашение, от которого нельзя отказаться.

Я толкнула огромную резную холодную ручку тяжёлой двери. Металл был ледяным под пальцами, словно только что вынутый из морозильной камеры.

Дверь в старинный викторианский особняк открылась не сразу, когда я нажала на ручку, за ней что-то тяжело, протяжно вздохнуло, словно дом сам втягивал воздух перед тем, как впустить чужака в свои ночные объятия, и я невольно задержала дыхание, пока дерево поддавалось, петли жалобно скрипели, и передо мной медленно зиял тёмный проём. Переступив порог, я первым делом ощутила тепло, удушающее, застоявшееся, словно годами накопленное и бережно сохраняемое внутри стен, где воздух пропитан запахом старого дерева, воска, пыли и чем-то пряным, едва уловимым, возможно, засохшими цветами или дорогим табаком, когда-то впитавшимся в обивку мебели и полов. Закрыв за собой дверь, я замерла в непривычной тишине, слишком глубокой для такого большого дома, слыша лишь собственное дыхание и слабый шелест ткани, когда сняла рюкзак с плеча, мокрую куртку, пока где-то в глубине особняка что-то едва слышно щёлкнуло, старые трубы или остывающий металл, заставив меня взглянуть в поглощающую темноту коридора.

- Отличное начало, - пробормотала я, и мой голос, словно растворившись в высоком пространстве, не получил ответа, оставив меня один на один с дверным проёмом, обрамлённым тёмным деревом, покрытым потускневшим от времени лаком, с тонкой резьбой по краям - листьями, цветами и причудливыми переплетениями, почти стёртыми веками, и лепниной над дверью, покрытой мелкими трещинами, словно паутиной. Войдя в гостиную, я увидела, как высокий потолок терялся в кромешной тьме, а стены от пола до самого верха были обшиты тёмными деревянными панелями с царапинами и потёртостями, хранящими под ладонью возраст этого места. Свет проникал сюда лишь сквозь высокие окна, почти полностью скрытые тяжё-

лыми бархатными шторами, оставляя на полу узкие, бледные полосы лунного света, словно остатки рассыпанного серебра, тогда как остальная часть комнаты погружалась в густой, вязкий полумрак, наполненный тишиной, которую нарушал лишь слабый шелест моей одежды и где-то в глубине - тихое, размеренное тиканье часов.

В центре стены напротив меня стоял диван, тёмно-зелёный, бархатный, массивный, выглядевший почти чёрным, пока на его спинку не падал лунный луч, оживляя ткань до глубокого, густого оттенка старого изумруда, с подлокотниками, украшенными резным деревом, и местами потёртой обивкой, словно за долгие годы здесь сидели десятки людей, оставивших часть своей истории в волокнах бархата. Рядом стоял небольшой круглый столик со старинным глобусом. Подойдя ближе, я обнаружила, что он гораздо старше, чем показалось сначала: потемневшая латунь, потёртое дерево, тонкая металлическая дуга, на которой держался земной шар с нанесёнными вручную контурами материков и выпцветшими названиями стран, местами нечитаемыми в полумраке. Проведя пальцем по поверхности, я заставила глобус качнуться и остановиться так, что Англия оказалась прямо передо мной, почему-то мне стало не по себе.

Отступив, я подняла взгляд на противоположную стену, где висела огромная карта в тяжёлой тёмной раме, занимавшая почти всё пространство между двумя книжными шкафами, с пожелтевшей бумагой, пошедшей тонкими складками, на которой были обозначены реки, города, горные хребты, дороги и границы государств, сегодня выглядящих совершенно иначе. От карты пахло пылью и чем-то сухим, горьковатым - запахом старой бумаги.

Под ногами лежал огромный индийский ковёр, чьи глубокие красные и бордовые оттенки почти исчезали в ночной мгле, а золотистые узоры казались выпцветшими, с центральным переплетением цветов и листьев, окружённым сложным орнаментом, настолько тонким, что изда- лека напоминал причудливые письмена. Ковёр был явно дорогим, даже я, совершенно не разбирающаяся в подобных вещах, могла это понять, но больше всего меня поразило другое: в лунном свете на нём не было ни единого следа пыли, в комнате, где всё остальное словно медленно умирало от времени, он выглядел так, будто по нему ходили совсем недавно, и на мгновение мне захотелось сделать шаг назад, оглядев свои ботинки, но я уже была внутри, и почему-то казалось, что дом именно этого и ждал. Медленно пройдя дальше, стараясь не смотреть в тёмные углы, где тени собирались особенно густо, я заметила вдоль стен высокие шкафы с книгами, некоторые из которых были настолько старыми, что корешки почти рассыпались, и картины в тяжёлых рамах, на одной из которых я разглядела женщину в чёрном платье, чьё лицо было почти полностью скрыто мраком.

Я стояла посреди этой огромной комнаты, среди старого дерева, выпцветшей карты, дорогого ковра и тёмно-зелёного бархата, и впервые подумала о том, что, возможно, не стоило сюда приходить, но было уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.